

Его черкеску ветер распахнул,
И пламя в саклях вспыхнуло сильней,
Скрипят арбы. Горит родной аул.
Он слышит плач и женщин и детей.
А он стоит, высок и недвижим,
Как будто высеченный из скалы.
Вот старики проходят перед ним,
И брови их, как снег вершин, белы.
На пепелищах трубы лишь торчат,
Разрушен мирных очагов уют.
Нахмурясь, скалы грозные молчат,
Как будто клятву отомстить дают.
Он за серебряную рукоять
Кинжал из ножен вынул, подержал,
Взглянул на лезвие. В ножны опять,
Ни слова не сказав, вложил кинжал.
1942